

Заклинатель змей

Вечер памяти Рудольфа Нуреева

Майя Крылова

Шестого января исполнилось 10 лет со дня смерти Рудольфа Нуреева. В Милане, Вене и Париже проходят грандиозные гала-концерты в его честь. Но Мариинский театр, его дом, никак не отметил эту дату. Такое впечатление, что на родине Нуреев дорог лишь зрителям, не только тем, кто еще застал его «живь-

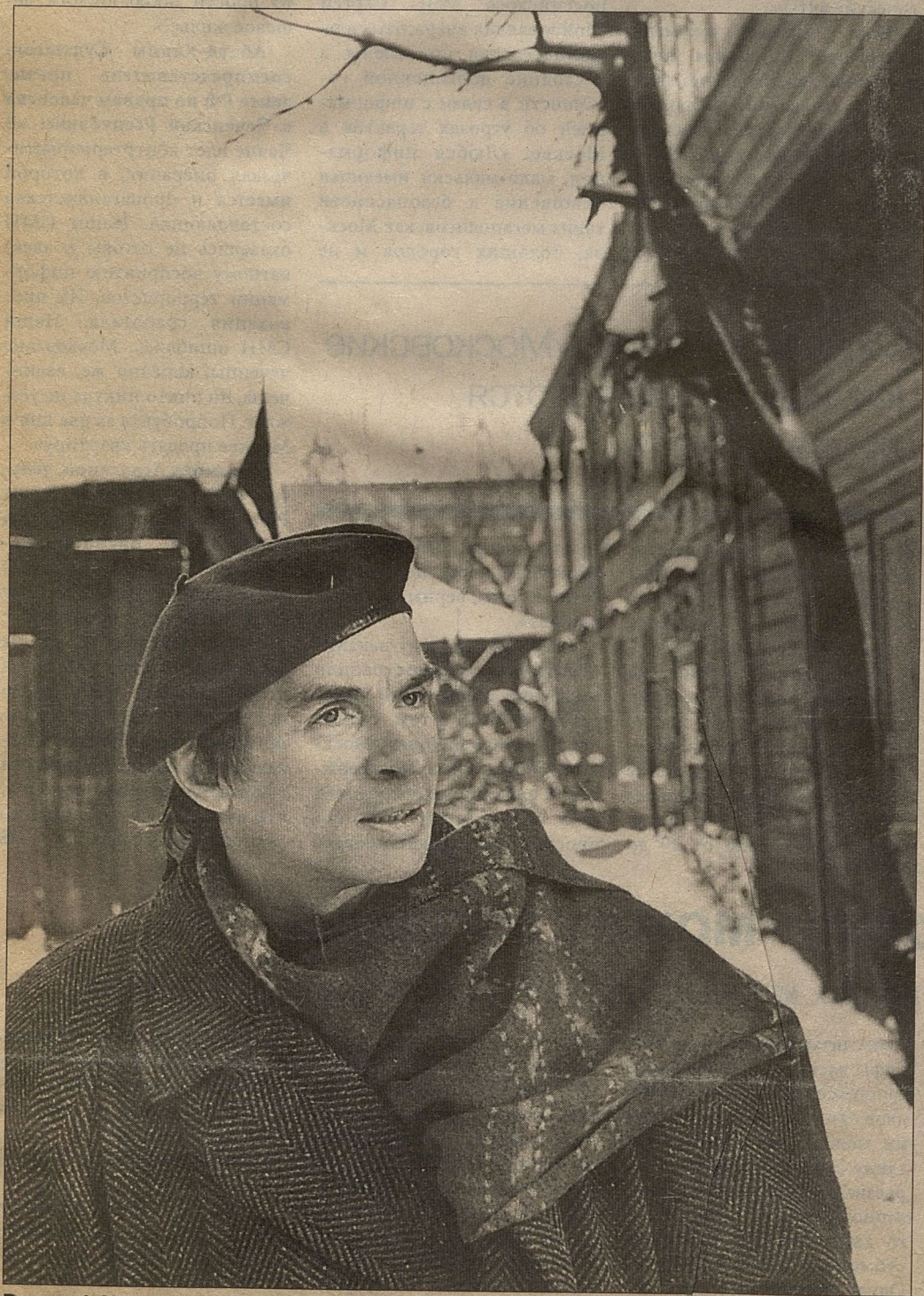
ем» на сцене, но всему племени энтузиастов-балетоманов. Совместно с Театральным музеем имени Бахрушина бескорыстные «рудиманцы» с «рудиманками» из общества «Друзья Большого балета» организовали вечер памяти танцовщика. Привезли из Петербурга Нинель Кургапкину: прима ленинградского балета много танцевала с Рудольфом, а в конце его жизни

помогала поставить предсмертную «Баядерку» в Парижской опере. Пригласили выступить Андриса Лиепу и критика Вадима Гаевского. Раздобыли множество видеофрагментов, в том числе раритетных, и показали их, сияя счастьем.

В речах, произнесенных в тот вечер, даже очевидные вещи (вроде великой сценической харизмы Нуреева и его же сквер-

нейшего характера) звучали как откровение. Популярны рассказы о Нурееве-трудоголике или Нурееве-эгоцентрике («Ты, Рудольф, прямо как король!» – «Почему «как?») интересовали не меньше, чем малоизвестные факты его биографии (история о том, как после ссоры с Юрием Григоровичем на постановке «Легенды о любви» Нуреев пытался извиниться и примириться с хореографом, но хореограф обид, даже мелких, не забывал никогда, в результате мир так и не увидел Ферхада-Нуреева, на которого эта роль первоначально ставилась). Когда Андрис Лиэпа сравнил танец Нуреева с заклинанием змей, а публику с зачарованными кобрами, которые не могут оторвать глаз от искусного фокусника, картинка понравилась слушателям не меньше, чем насмешливый советский закадровый голос со старой кинохроники: «Рудольф Нуреев пришел на профессиональную сцену из художественной самодеятельности».

Его танец, еще раз осмысленный в контексте воспоминаний, от фрагментов из классических «Корсара», «Баядерки» и «Сильфиды» до брутально-пессимистического балета Ролана Пети «Юноша и смерть» подтвердил истину, с которой, как ни странно, согласны не все. Необыкновенная известность Нуреева в широких массах, в принципе далеких от балета, – не результат глобального пиара (как многие до сих пор думают), полученного после побега от коммунистов или от скандально-сексуальных подвигов, растиражированных в массмедиа. И то, что Нуреев, как вспоминала Нинель Кургапкина, первым ввел высокие полупальцы и выше, чем предшественники, мог поднять ногу – тоже лишь средство его искусства, одно из средств. Публике нравилась прежде всего его изумительная чрезмерность, эмоциональная щедрость, творческая и человеческая. Через танец Нуреева европейский человек, закованный в броню цивилизации, с удовольствием вспоминал свою первозданность. За такую же стихийную, витальную силу без рефлексии Европа сто лет назад влюбилась в «Русские сезоны» Сергея Дягилева.

Рудольф Нуреев на родине в Уфе.

Фото ИТАР-ТАСС

Независимая газ.-2003-20январь-с.7.